

RECE NZI J O S

А. К. Усціновіч, *Антрапанімія Гродзеншчыны і Брэстчыны (XIV—XVIII стст.)*. Акадэмія навук БССР, Інстытут мовазнаўства імя Якуба Коласа. Выдавецтва „Навука і тэхніка“, Мінск, 1975, 176 с.

Литовские языковеды с большим интересом следят за исследованиями в области белорусской антропонимии. В прошлом в антропонимах белорусов и литовцев было много общего. Данная общность обусловлена не столько соседскими контактами, сколько наличием в Великом Княжестве Литовском общей системы наименования людей в официальных документах. Наименование осуществлялось главным образом языковыми средствами, создававшимися на восточнославянской языковой базе. Оно было по существу индифферентным к национальной принадлежности человека и к его родному языку. Так, по нашим подсчетам, в документах начала XVII в. на территории современной этнографической Литвы личные наименования, в которых не обнаруживаются элементы литовского языка, составляют около 70 %. Указанные наименования из официальных документов попадали в литовский разговорный язык, нередко в нем закреплялись в виде литуанизированных форм и до сих пор сохранились как современные фамилии, напр., *Petrāvičius* (наряду с *Petrāitis*) из *Петрович*. Вот почему изучение наименований людей в официальных документах времен Великого Княжества Литовского, созданных как на территории современной Литвы, так и в Белоруссии, имеет первостепенное значение для выяснения генезиса современных литовских фамилий.

В этом отношении для нас очень ценными являются исследования выдающегося

белорусского языковеда Н. В. Бирылы, особенно его монография „Беларуская антрапанімія (Мінск, 1966, т. II, 1969).

Рецензируемая книга А. К. Устинович привлекает наше внимание еще и потому, что в ней изучаются антропонимы прилегающих к Литве областей современной Белорусии, особенно те местности Гродненской земли, где в прошлом проживало население, говорящее на литовском языке.

Источником рецензируемой книги для автора послужили акты XIV—XVIII вв. гродненского и брестского земских судов, материалы так называемых подкаморских и повятовых судов, документы Брестской и Кобринской экономии — преимущественно вся деловая письменность Гродненской и Брестской земли того периода, систематизированная и изданная Виленской Археографической Комиссией в многочисленных томах. Последовательному изучению автором был подвергнут 931 документ.

Книга состоит из введения, четырех основных глав и списка сокращений источников.

Первая глава „Лексічны састаў ўласных асабовых імён“ (с. 7—88) посвящена описанию лексического состава исследуемых собственных личных имен. Указывается, что в изученных документах употребляются личные имена как православного, так и католического календаря. Встречаются также случаи контаминации соответствующих форм обеих систем, напр.,

Малгорета (варианты: *Малкгорета*, *Молкгорета*) и *Лавринец*, ср. православные соответствия *Маргарита*, *Лаврентий* и католические (из польского языка) — *Малгажата*, *Вавринец*. Ценным является выявление и описание тех фонетических и морфологических изменений, которым подверглись канонические формы личных имен в устах народа (с. 9—11).

Основную часть первой главы составляет алфавитный список личных имен с указанием источников и лингвистическими комментариями. В качестве заглавной автором дается каноническая форма православного календаря даже в тех случаях, когда по документам известен лишь католический вариант, напр., *Вонифатий* (в примерах имеются лишь формы с Б, ср. католическую форму *Бонифаций*), *Урван* (в примерах лишь *Урбан*), *Феофил* (лишь *Теофил*), *Сусанна* (лишь *Зузана*) и т. п.

Антропонимические материалы документов, написанных латинским шрифтом, автором передаются русскими буквами. Жаль, что такие случаи не снабжены специальной пометой, так как в тогдашнем латинско-польском письме при передаче литовских (иногда и других) названий часто смешивались согласные *s*, *z* с *sz*, *ż*, что может привести к серьезным ошибкам, ср. *Zalgienis* (автор пишет *Зальгенис*¹ 42) с начальной буквой *Z* вместо *Ż*. Автор не излагает принципов замены букв. При проверке лишь некоторых примеров мы обнаружили большую непоследовательность и произвол. Постоянно смешиваются элементы транскрипции и транслитерации, напр., *Паленис* и *Палонес* 24 вместо *Palionis* при *Микучонис* 42 вместо *Mikuczionis* и *Екубонисъ* 21 вместо *Jokubonis* (!); *Киприанъ* *Кронски* 47 (элементы белорусской орфографии!) вместо *Ciprian* (!) *Kronski* при *Цуприянъ* (!) *Павелъ* *Бжостовски* 47

¹ Цифра при антропониме указывает страницу рецензируемой книги.

вместо *Cyprian Paweł Brzostowski* (на основе указанных форм автор реконструирует варианты канонического личного имени *Киприан!*). Такая путаница в написании и небрежность автора ведет к искажениям вроде *Григелисъ Юргелисъ* 30 вместо *Grigielis Jurgienis* (!), *Григель Новилы* 30 вместо *Paweł a Grigiel Nowily* (мн. число!). Кстати, неточности имеются и в передаче антропонимов из документов, написанных русскими буквами, напр., автор пишет *Борейко* 117, а в документе имеется *Барейко*. Все сказанное (мы сверили с оригиналом лишь единичные примеры) в значительной степени подрывает доверие читателя к автору и является существенным недостатком монографии.

Специалистов по балтийскому языкознанию, конечно, наиболее интересуют балтийские (литовские) элементы в антропонимии указанного списка. К сожалению, автор в своих комментариях о них не говорит. Однако при внимательном чтении приведенных им примеров имена с элементами литовского происхождения обнаруживаются в довольно большом количестве, особенно в выписках из тех документов, которые относятся к северозападной части Гродненской земли (*Лида*, *Слоним*...), где и по сей день сохранились известные островные литовские говоры. Некоторые из упомянутых примеров представляют собой не что иное, как чисто литовские личные имена, даже с сохраненной флексией, напр., *Андреюсъ* 17, *Бонисъ* 25, *Валисъ* 21, *Витас* 24, *Войчисъ* 25, *Матеюсъ* 55, *Микусъ* 60, *Мисюс* 58, *Петрас* 63, *Стасюс* 70, *Станисъ* 70, *Янас* 42, *Янчисъ* 42, *Ясис* 43, ср. лит. *Andriėjus*, *Banỹs*, *Valỹs*, *Vitas*, *Vaičỹs*, *Motiėjus*, *Mikus*, *Misius*, *Pėtras*, *Stasỹs*, *Stanỹs* (*Stonỹs*), *Jōnas* (диал. *Jānas*), *Jančỹs* (*Jončỹs*), *Jasỹs*; деминутивы *Григелис* 30, *Миселисъ* 58, *Стасюлис* 70, *Тамулис* 76, *Юрелис* 27, *Язелис* 45, *Янелис* 42, *Янутисъ* 42, ср. лит. *Grigėlis*, *Misėlis*, *Stasiūlis*, *Tamūlis*, *Jurėlis*, *Juožėlis*, *Jonėlis*, *Jonūtis*.

Что этими именами назывались литовцы, а не белорусы, нередко указывает и второй член составного наименования, напр., *Андреюсъ Миксайчисъ* 17 (в оригинале *Mikssaiczis*), *Витас Паленис* 24 (в ориг. *Palionis*), *Матейкъ Венцкунасъ* 55, *Стасюс Жюдзенис* 70 (в ориг. *Žiudzionis*), *Янас Петруконис* 42, *Миселисъ Даукшеленис* 58 (в ориг. *Daukszelionis*), *Тамулис Калитонис* 76, *Янелис Зальгенис* 42 и др.

Гораздо большее количество литовских по происхождению личных имен имеют сокращенную форму без конечного *-s*, такие как *Макути* 60, *Петрули* 63, *Янути* 42, или вовсе без окончания, напр., *Андрюль* 17, *Бенюль* 23, *Васкель* 22, *Григель* 30, *Мисель* 58, *Микель* 60, *Петрель* 63, *Петрукъ* 63, *Петруть* 63, *Стасель* 70, *Стасюль* 70, *Стасюкъ* 70, *Тамуль* 76, *Томкель* 76, *Юркгель* 27, *Янель* 42, *Якуть* 39, *Янутъ* 42, *Янук* 42 и многие другие.

При таких сокращенных формах тоже иногда встречается литовский второй компонент наименования, напр., *Янук Микучонис* 42 (в ориг. *Mikuczionis*), *Юшкель Вежкгайловичъ* 35 (патроним от *Вежкгайла*) и др. Еще ср. *Янутій Кибилдичъ* 42 (патроним от *Кибилда* или *Кибилдис*: лит. *kibilda* 'хромой') со славизированным окончанием *-iй*.

На литовское происхождение личного имени иногда указывают и фонетические особенности, часто подкрепляемые чисто литовским вторым компонентом наименования, напр., *Керикъ Пликисъ* 30 < *Gri-gas Plikis* (: *plikis* 'голяк, голыш, бедняк; лысый') с согласным *g* (= лит. *g*)².

Однако литовские элементы в написании личных имен, как и в документах того времени, относящихся к этнографической Литве, отражались случайно, в виде ис-

² Встречающийся вариант *Ундрей* 17 наряду с *Андрей* может отражать восточнолитовскую форму *Undriėjus* из *Andriėjus* 'Андрей'.

ключений. Личные имена, как правило, писались в славянской форме. В рецензируемой книге имеется много примеров, где дается чисто славянская форма личного имени, но второй компонент наименования показывает, что зарегистрирован именно литовец. Иногда в таких случаях вторым компонентом являются восточнолитовские патронимы на *-ūnas*, *-onis*, по-видимому, не понятые писарем и не замененные славянскими соответствиями, напр., *Амброзей Миколаюнас* 16, *Бартосъ Екубонис* 21 (в ориг. *Jokubonis*), *Сцепан Мицунас* 71 и др. Гораздо больше примеров со славянскими патронимическими формами на *-ович*, *-евич*, но образованными от литовских деминутивных основ с суффиксами *-el-*, *-ul-*, *-ut-*, *-uk-*, напр., *Иванелевичъ* 17 от *Ivonėlis* (ср. современные литовские фамилии *Ivėnas*, *Ivonaitis*), *Микуличъ* 47 от *Mikulis*, *Нонисъ* (!) *Яцютичъ* 59 от *Jaciutis* (ср. *Jācius*), *Масюковичъ* 29 от *Masiukas* (ср. *Masiūkas*, *Masys*, *Masiukonis*), наименования женщин *Мицутянка* 81, *Мицутиная* 83 от *Micutis* (ср. *Micà*, *Micėlis*, *Miciūlis*). Примеры такого рода очень характерны для документов того времени, относящихся к этнографической Литве³.

Наиболее многочисленны примеры с литовским вторым компонентом наименования, не имеющим ничего общего с церковной именной номенклатурой. Часть таких примеров составляют древнелитовские (еще дохристианские) двухосновные личные имена или образованные от них по восточнославянской модели патронимические формы, напр. *Витовтъ* 15 (имеется ввиду великий князь Литовский!), *Довкгирдъ* 77, *Мельвид* 56 из *Мильвид* (ср. *Мильвидовичъ* 57), *Радивилъ* 16, *Скумин* 73, *Эйсмонт* 16 из лит. *Vý-tautas*, *Daigirdas*, *Mil-vydas*, *Rad(i)-vilas*, *Sku-minas*,

³ Соответствующий материал будет опубликован в готовящейся к печати монографии по литовской антропонимии.

Eis-mantas; Билминович 76, Гейсимонтовичъ 63, Давгаловичъ 60, жен. Домановна 80, Кимъбарова 84, Скимунтевич 40, Судымонтовичъ 16 из лит. *Bil-minas*, *Geis(i)-mantas*, *Daū-galas*, *Do-manas*, *Kim-baras* < **Kin-baras*, *Skir-mantas* > диал. *Skir-muntas*, *Sūd(i)-mantas*.

Наряду с полными двухосновными именными формами в древнелитовском существовали также сокращенные их варианты. В качестве примеров таких антропонимов можно привести *Война* 21 и патронимы *Войневич* 65, жен. *Войненна* 83. Попытка автора отнести данные антропонимы к числу названий „з'яў жыцця громадства“ 113 (: *война*) является весьма неудачной, так как они восходят к литовскому антропониму *Vainà*, который, в свою очередь, возник в результате сокращения таких древнелитовских двухосновных имен как *Vaīni-butas* или *Bār-vainas*, *Dārg-vainas*, *Gėd-vainas* (: *vainà* 'недостаток, вина, причина'). Еще ср. *Vainys*, *Vaīnius*, *Vainiōnis*, *Vainiūnas*, *Vainūtis*, *Vaineikis*, *Vainilà*; названия населенных пунктов *Vainaičiai*, *Vainikai*, *Vaiņišķiai*, *Vainūtas*; др. прусск. антропонимы *Wayne*, *Waynucke*, *Wayne-but*, *Wayne-gede*, *Prey-wain* и др.

Имеются также примеры с литовским вторым компонентом (или от него образованным по славянской модели патронимом) прозвищного происхождения, напр., *Евневич* 19 от *Jaūnius* (: *jaūnas* 'молодой'), *Клишевич* 29 от *Klišys* (: *klišas* 'кривоногий, косолапый'), *Трумнич* 39 от *Trumpa* (ср. ориг.: *ихъ батько небожчикъ Трумна* : *truṃpas* 'короткий'), *Руделевич* 16 от *Rudėlis* ← *Rūdis* (: *rūdas* 'рыжий'), *Римутевич* 19 от *Rimūtis* ← *Rimas* (: *rimti* 'успокаиваться'), *Сируть* 16 и *Сирутевич* 27 от *Sirūtis* ← **Siras* (ср. *Sirius*, *Siraitis* — сокращенная форма двухосновных имен типа *Sir-tautas*, *Sir-vydas*), *Совкгутевич* 64 от *Saugutis* (ср. название населенного пункта *Saugūčiai* : *saug-oti* 'беречь, хранить'), *Войчисъ* (!) *Войнилович* 25 от

Vaīnila (ср. *Vainà*), *Будилович* 41 и *Будзилович* 75 от *Budilà*, диал. *Budzilà* ← *Būdas*, *Būdžius* (ср. *Būd-ginas*, *Būd-vaišas*, *Būd-vydas* : *bud-ėti* 'бдеть, быть на страже'), *Водейша* 14 от *Vadeišà* (ср. *Vadeikà* и *Vad-minas* : *vādas* 'вождь'), *Мукель* (!) *Нарушевич* 60 от *Norūšis* (ср. *Noreikà* и *Nór-butas*, *Nór-mantas*, *Nór-tautas* : *nor-ėti* 'хотеть, желать') и др. Указанные антропонимы встречаются, притом в большом количестве, в документах XVI—XVIII вв., относящихся к этнографической Литве.

Некоторые антропонимы такого рода автором ошибочно относятся к вариантам церковных канонических личных имен, напр., *Можейко* 58—59 (из лит. *Mažeikà* : *māžas* 'малый') к *Моусей*. Вслед за Н. В. Бирылой⁴, автор неверно к вариантам канонического имени *Варфоломей* относит древнелитовский двухосновный антропоним *Бутрим* 21 = *Būt-rimas*, ср. *Būti-geidas*, *Būt-ginas*, *Būtas*, *Butónis*, *Butėnis*, *Buteikà* (: *būtas* 'жилье', *būti* 'быть') и *Gaūd-rimas*, *Taūt-rimas*, *Rimas*, *Rimaitis*, *Rimónis*, *Rimėnas*, *Rimėlis*, *Rimūtis*, *Rimeikà* (: *rimti* 'успокаиваться'). По нашему убеждению, антропоним *Римуть* или *Римутти*, *Римутис* не имеет ничего общего с православным личным именем *Римма*, к которому автор его относит на с. 64—65, так как он представляет собой литовскую деминутивную форму *Rimūtis* от *Rimas* (← *Rim-gaudas*, *Rim-vydas* и др.). Еще ср. *Римутти Совкгутевич* 64 со вторым компонентом, образованным от литовского *Saugutis*. Похожие по звучанию литовские антропонимы на самом деле в прошлом могли народом отождествляться с вариантами церковных имен, на что указывает употребление древнелитовского двухосновного антропонима *Жикгимонт* 38 (< *Žygi-mantas*) вместо *Зыгмунт*. Но это еще не дает основания для их смешения.

⁴ Н. В. Бирыла, *Беларуская антрапанимія*, Мінск, 1966, 37.

Вторая глава „Марфалагічная структура ўласных асабовых імён“ (с. 89—106) посвящена описанию суффиксального образования личных имен⁵. Наряду со славянскими суффиксами рассматриваются и те, которые, по словам автора, литовские по происхождению. Такими автор считает следующие суффиксы: *-ук/-юк* (*Петрук, Янук, Янюк...*), *-уть/-ють* (*Петруть, Януть...*)⁶, *-ель* (*Григель, Янель...*), *-уль/-юль* (*Петруль, Януль...*), *-ис/-ыс* (*Балис, Войчис...*), *-ус/-юс* (*Микус, Стасюс...*), *-ас/-яс* (*Витас, Янас...*). Однако не подлежит сомнению, что во многих случаях здесь мы имеем дело не с суффиксами литовского происхождения, а с обыкновенными литовскими именами, в какой-то мере славизированными писарями, как это делалось в то время и на территории современной этнографической Литвы. На это указывают не только параллельные полные (т.е. неславизированные) варианты тех же имен (ср. *Юргелис, Тамулис, Янутис...*), встречающийся литовский второй компонент наименования (ср. *Янук Микучонис*), но и географическое распространение личных имен с указанными суффиксами. Так подавляющее большинство имен с *-ук/-юк* автором из-

⁵ Автор в ряде случаев прибегает к весьма произвольному выделению суффиксов, напр., находит *-сюк* в *Мисюк, Ясюк* 94, *-цук/-чук* в *Гацук, Мачук* 94, *-шкель* в *Юшкель* 96, *-ар* в *Бальцар* 100 (= польск. *Balcer*), *-яс* в *Матыас* 97 (= др. -евр. > лат. *Matthias*) и т.п. Так же поступает и с литовскими антропонимами, выделяя, напр., суффикс *-селис* в *Миселис* 96 (= *Misēlis*), *-сюлис* в *Стасюлис* 96 (= *Stasiūlis*), *-чис* в *Янчис* 96 (= *Jončys*), *-ас* в *Петрас* 97 (= *Pētras*) и др.

⁶ По географическим соображениям сюда можно было бы отнести и вариант *-ута/-юта* (автор нашел 113 примеров в документах из Гродненской земли и лишь 3 в относящихся к Брестской земле).

влечены из документов, относящихся к местностям, граничащим с современной этнографической Литвой, в то время как из документов более отдаленных от Литвы районов приведены лишь единичные примеры (из Гродненской земли 133 примера, из Брестской — только 11). Приблизительно так же обстоит дело и с другими „суффиксами литовского происхождения“. Со временем они в белорусском языке на самом деле стали таковыми, но при рассмотрении антропонимического материала XIV—XVIII вв. термином „суффиксы литовского происхождения“ следовало бы пользоваться осторожно, применяя его главным образом лишь при анализе личных имен, извлеченных из документов, относящихся к восточной части Белорусии, или при рассмотрении таких личных имен как *Федюк, Хацук*, которыми не могли себя называть литовцы.

Читателя поражает обилие деминутивных форм антропонимов, что в общем является весьма характерной чертой и для литовской антропонимии.

В третьей главе „Імёны-мянушкі“ (с. 107—151) рассматриваются антропонимы, своим происхождением не связанные с церковью⁷. Потрясает их обилие. Из данных, приведенных автором на с. 108, видно, что процент таких антропонимов увеличивается территориально по направлению к современной этнографической Литве. Ведь литовцы позже других народов были

⁷ Однако здесь мы находим и некоторые антропонимы, восходящие, по всей вероятности, к церковным именам, напр., *Пац* 112 → *Ипатий*, *Печура* 114 → *Петр* (?). Литовский патроним *Пилюнас* 115 (= *Piliūnas*) также не следует относить к „назвам асоб па прафесіі, занятку“, так как он образован от личного имени *Pili(u)s*, восходящего к литовским вариантам христианского личного имени *Филимон* (вопреки мнению В. Римшы, высказанному в *Baltistica* X 170).

крещены, и, следовательно, у них дольше сохранились элементы доцерковной антропонимии.

Сначала дается семантическая классификация указанных антропонимов, причем не обращается внимание на языковое их происхождение, напр., *Корсак* относится к названиям от диких животных (ср. казах., кирг. *корсак* 'степная лисица'), *Жвирбля* — к названиям от домашних птиц (ср. лит. *žvirblis* 'воробей') и т.п.

Большую часть III главы занимает алфавитный список рассматриваемых антропонимов с указанием их происхождения и приведением примеров из документов. В списке имеются и антропонимы литовского происхождения. Часть из них такими считает и сам автор, напр., *Бурба*, *Дойлид*, *Жвирбля* (автором дается форма не им. пад., а род. пад., ср. *Жвирбля Жибортовича*), *Кампо*, *Килдиш*, *Кукурка*, *Повкшит*, *Ракута*, *Стирп*, *Чечель*, *Шауль*, *Шукшта* и др.

Следует сказать, что попытки автора найти объяснение происхождения отдельных антропонимов путем сравнения их с соответствующими апеллятивами литовского языка не во всех случаях увенчались успехом. Имеются и неудачные сравнения, напр., *Водейша* : *vōdyti*, *Рандей* : *randū* (автор пишет *randū*), *Мугель* : *mūgė* и др.

На самом деле антропоним *Водейша* из лит. *Vadeiša* не имеет ничего общего с глаголом *vōdyti*, заимствованным из польского или белорусского языка, так как он является суффиксальным образованием от того же антропонимического корня, который имеется в древнелитовских двухосновных антропонимах типа *Sū-vadas* и *Vad-minas* (: *vādas* 'вождь'), еще ср. *Vadeikà*, *Vadišius* и др.

Антропоним *Рандей* может являться славизированной формой от литовского *Rāndis* или *Randys*, еще ср. *Randeliūnas*, названия деревень *Rāndžiai*, *Rāndišké*. Но

все указанные имена по своему происхождению связаны не с инфиксальной формой настоящего времени *randū* (3. лицо *rañda*) от глагола *rāsti* 'найти', а имеют тот же корень, что и существительное *rāndas* 'шрам, рубец, след от раны'.

Антропоним *Мугель* из лит. *Mugelis* следует сопоставить не с *mūgė* 'ярмарка', а с *mūgis* 'несерьезный человек, шутник'.

Имеются в сравнениях и явные недоразумения, такие как, напр., смешение антропонима *Бурута* с апеллятивом *bitūtė* (деминутив от *bitė* 'пчела'). Произвольное отношение автора видно из таких случаев сравнения как *Букиша* : *bukštus*, *Дедеркало* : *dedervinė*, *Картеус* : *kārte* (?!), *Кимбар* : *kimbra*, *Кольчыра* : *kōlčikas* (по-видимому, имеется в виду полонизм *kōlčikas* 'сережка'), *Кромбал* : *kramboūlis* (может быть, *krambuōlis*?), *Ропыль* : *ropat* 'оспа' (?!), *Шоршус* : *šeršas* (?!) и т.п. Литовские слова нередко приводятся в искаженном виде, поэтому трудно установить, какой литовский апеллятив на самом деле автор имел в виду.

Однако литовское происхождение многих антропонимов автором вовсе не устанавливается, в том числе и таких старинных двухосновных как *Бейнар*, *Довойна*, *Сорвило* (вместо *Сурвило*) из лит. *Beī-noras*, *Do-vaina* или *Da-vaina* (ср. совр. *Do-vaīnis*, *Da-vaīnis*), *Sur-vilas* или *Sur-vilā*. Автор произвольно пытается их связывать с апеллятивами различных языков, напр. *Бейнар* с кирг. *беймар* 'больной' или *бейнаар* 'натошак, до еды', *Сорвило* (*Сурвило*) с белорусск. *сарві галава* и т.п. На наш взгляд, к числу указанных старинных литовских антропонимов следует отнести также *Жиборъ* 109, *Якгинтовичъ* 148, *Радивилъ* 157 из лит. *Žy-baras* (ср. *Žý-bartas*), *Jó-gintas*, *Rad(i)-vilas*, которые находим в приведенных автором примерах, но в список он почему-то не включен.

Имеются в списке и литовские антропонимы-прозвища, но их нелегко отличить

от соответствующих славянских антропонимов того же корня. Поэтому к числу литуанизмов с большей уверенностью можно отнести лишь те из них, которые локализируются близ современной этнографической Литвы и притом повторяются в документах, относящихся к ней, напр., *Белаш*, *Вершель*, *Кови*, *Крук*, ср. современные литовские фамилии *Belaš-aitis*⁸, *Veršėlis*, *Kaušas* (и *Kaišas*), *Krūkas* (и *Kriūkas*, *Kriūkās*). Следует полагать, что литовцы на указанной территории могли быть носителями и прозвищ не вполне ясного или славянского происхождения, таких как *Бурак*, *Дуда*, *Жак* (и *Жек*⁹), *Тризна*, *Ус*, *Шышка*, ср. лит. *Burōkas*, *Dūdà*, *Žākas* (и *Žėkas*), *Triznà*, *Ūsas*, *Šiškā*.

⁸ Еще ср. полонизированный вариант *Belaš-āuskas* (: *bē+lāšas*) и другие литовские антропонимы того же типа (с приставкой *be-*): *Bedālis*, *Bedaŗbis*, *Bekaŗpis*, *Verpīŗstis*, *Beraŗkis*. Этимология автора (: укр. *білаш* 'белый хлеб') не является убедительной.

⁹ Автор неправильно (ставя это под сомнение) восстанавливает форму им. п. *Жека* (при род. п. *Жека Терентеевича*; но он правильно восстанавливает форму им. п. *Жак* при род. *Жака Терентеевича* — может быть, даже то же самое лицо) и выводит ее из польского апеллятива *rzeka* 'река' (!). В действительности мы здесь имеем дело с антропонимом, в основу которого легло название занятия человека, ср. лит. *žėkas* < польск. *zak* 'слуга в костеле'. Еще ср. литовское название деревни *Žėkaĩ* рядом с *Žākainiai*. Что касается неправильной реконструкции форм именительного падежа, то таких случаев в монографии имеется больше, ср. *Мейла*, *Купра*, *Манка*, *Рона*, *Телена* при род. п. *Мейла Ечевича* 36, *Купра Андреевича* 47, *Андрея Манка* 134, *Михала Рона* 140, *Телена Ивановича* 145. Еще ср. *Славута* при *Кгабриелъ Славутю* 143.

В списке нередко типичные для литовской антропонимии суффиксальные формы, совпадающие с современными литовскими фамилиями, напр., *Бучель*, *Мазюк* (*Мазюкъ Петрелевичъ* 134), *Борейшо*¹⁰ (автор ошибочно восстанавливает *Борейша*, ср. род. п. *пана Ивана Борейша*), *Борейко* (в ориг. *Барейко*), ср. лит. *Bučėlis*, *Mažiūkas*, *Bareišis*, *Bareikà*. Еще ср. не включенный в список антропоним род. п. *Рымиша* 153 из лит. *Rimšas*.

В списке также находим такие прозвища, которые этимологически являются славянскими, но семантически полностью совпадают с характерными литовскими прозвищами, впоследствии ставшими фамилиями, напр. *Борода* || *Barzdà*, *Воробей* || *Žvirblis*, *Жук* || *Vābalas*, *Козелъ* || **Ožys*¹¹, *Сорока* || *Šārka*, *Щотка* || *Šepetys* и др. Большинство концентрируются близ Литвы. При некоторых из них другой компонент наименования имеет литовский суффикс, напр., *Васюкъ Борода* 117, *Ясюту Воробья* 120, *Жукъ Ярутичъ* 125 и т.п. Еще ср. *Чепанас*¹² *Мицунас* 147. Многие из таких антропонимов повторяются в документах, относящихся к современной этнографической Литве, причем в последних нередко выступают оба варианта (славянский и литовский), используемые для обозначения одного и того же лица. Возникает законный вопрос: не имеем ли мы здесь дело с славянским переводом литовских прозвищ?

¹⁰ Сравнение автором с русск. рег. *борей* 'баран', *борушко* 'молодой баран' является весьма неудачным.

¹¹ Ср. производные формы *Ož-iūnas*, *Ož-ėnas*, *Ož-ėvičius*, *Ož-inskas* и названия деревень *Óž-iškiai*, *Ož-aičiai*, *Ož-iónys*, *Ož-ėliai*.

¹² Автор объясняет из польск. *czepa* 'пень' + *нос*. На самом деле в оригинале *Czerpanos* является неточной передачей литовского имени *Čėronas* из польск. *Szczerpan* 'Стефан'.

Из всего того, что было сказано, следует вывод: научное исследование белорусской антропонимии невозможно без глубокого знания литовской (балтийской) антропонимии, также как немислимо изучение большинства современных литовских антропонимов (фамилий) без учета соответствующих данных из области белорусской антропонимии.

В четвертой главе „Састаўныя найменні“ (с. 152—169) описываются сложные наименования, как мужские, так и женские, состоящие из нескольких антропонимов. Данные, приведенные автором, имеют большое значение для выяснения процесса становления современной системы наименования белорусов (имя + отчество + фамилия). Для специалистов, работающих в области литовской антропонимики, ценным является наблюдение автора (с. 154) о том, что дублетные патронимы с *-ович* и *-евич* (напр., *Леванцович* || *Леванцевич*) образуются от основ, которые оканчиваются на согласные *к, ш, н, ц*. В документах, относящихся к современной этнографической Литве, такие дублеты очень распространены и образуются от всех основ, оканчивающихся на любой согласный.

Ценным для нас является также вывод автора, что антропонимы с суффиксом *-ский/-цкий* имеют в основном топоними-

ческий характер (лексической основой их выступает топоним) и только впоследствии под влиянием моды польских антропонимов на *-ski* стали образоваться непосредственно от антропонимов (с. 155). Наши собственные наблюдения показывают, что так же обстоит дело и с соответствующими антропонимами в тех документах, которые относятся к современной этнографической Литве.

Очень ценными являются таблицы, в которых автор приводит статистические данные (отдельно для Гродненской и для Брестской земель, для документов XVI и XVII вв.) по употреблению антропонимов на *-ович/-евич*, *-ич/-иц*, *-ов/-ев*, *-ский/-цкий* и на другие суффиксы, причем отдельно для антропонимов, идущих первым, вторым, третьим и четвертым компонентом наименований.

Использование учеными богатых материалов рецензируемой монографии осложняется отсутствием указателя всех изучаемых антропонимов. Этот недостаток типичен для трудов по белорусской антропонимике. Ведь и книга Н. В. Бірылы „Беларуская антрапанімія“ (Мінск, 1966) в научных целях по существу может быть использована лишь при условии предварительного составления самим читателем указателя или соответствующей картотеки.

З. Зинкявичюс

P. Skardžius, *Lietuvių vandenvardžiai su -nt-. Jų daryba, kilmė, reikšmė*, „Lituanistikos darbai. Lituanistikos institutas“, Brooklyn, III, 1973, 9—72.

Žinomas lietuvių kalbininkas Pranas Skardžius paskelbė stambią studiją, kurioje nagrinėjama gausus lietuvių vandenvardžių būrys — upių ir ežerų vardai su priesaga *-nt-*.

Lietuvių vandenvardžiai — priesagos *-nt-* vediniai — yra vieni archaiškiausių, todėl jie iš seno traukė tyrinėtojų dėmesį. Tačiau dėl jų kilmės bei darybos buvo pareikšta

ir labai skirtingų nuomonių. Visų pirma, reikia minėti kelis R. Schmittleino darbus, kuriuose šis autorius daugumą lietuvių vandenvardžių su *-nt-* paskelbė germaniškais. Diskusija dėl jų užtruko¹, todėl P. Skardžiaus studijos pasirodymas yra lauktas — ji išsklaidys daugelį abejonių.

¹ Plačiau žr. „Baltistica“ II (1) 97 t. t.